

Отрицание отрицания

КОММУНИСТ 1989 № 17

Понимаю, насколько дерзко, если не сказать — нескромно, прозвучит в уважаемом теоретическом журнале это мое выступление, да еще под сугубо философским заглавием. Ни теоретиком, ни политиком я никогда себя не считал, однако разобраться в том, что происходило и происходит с нашей страной, с нашим обществом, стремился всегда. Размышлял над сложными общественными и чисто житейскими коллизиями, пытался найти в них какие-то закономерности, какую-то систему, придумывал исключительно для личного пользования теории, объясняющие то, что видел, чем жил, что меня волновало и волнует. Разумеется, научного фундамента под этими теориями не было и нет, строились и строятся они только на здравом смысле и на собственном жизненном опыте. Можете называть меня современным наивным реалистом. На большее я не претендую. Но думаю, что мои мысли, мое сегодняшнее настроение близки той массе людей, которые неожиданно для себя оказались ныне вовлеченными в бурную политическую жизнь и пытаются ответить на сложнейшие вопросы, заданные всему миру и каждому из нас перестройкой. Разумеется, это хорошо, прекрасно, но... Демократизация привела к небывалому политическому дилетантизму, и чуть ли не каждому мерещится, будто один он знает, что и как надо делать.

И еще хочу предупредить читателя вот о чем: отрицание отрицания я понимаю не столько как философский закон, сколько как житейское наблюдение, которым пытаюсь объяснить происходящее и вокруг меня, и во мне самом. А вокруг такие события, что, как я говорю, держись двумя руками за мозги, чтоб не съехали набок. Идет огромный вал информации, неожиданной и озадачивающей. В каждой газете, в каждом журнале — свое, противоречивое, часто взаимоисключающее. В такой ситуации человек неподготовленный и доверчивый вполне может растеряться и даже запаниковать. Очень распространенная в нашей стране сегодня болезнь. Не исключаю, что и сам ей подвержен. А причина ее — в житейском отрицании отрицания. Что я под этим подразумеваю?

После революции (я чуть-чуть старше Советской власти) нам, детям, а потом и подросткам, внушались определенные взгляды на жизнь не на уровне теорем, а на уровне аксиом. Мы должны были усваивать их в гото-

вом виде, без всякого анализа. Как это происходило? Рос я в семье мелкого служащего. Дома, как у всех, висела икона. Конечно же, меня крестили и в церковь водили, и причащался я и т. д. Потом мне вдруг объявили, что религия — ложь, опиум для народа. Опиум — это еще можно понять, опиум как-никак болеутоляющее средство. А вот то, что это род духовной сивухи, от которой может только тошнить, — такое в голове укладывалось с трудом. Потом в школе меня записали в кружок «Безбожник», и прекрасно помню, как нас, в сущности еще детей, посылали в деревни (жили мы тогда в Костроме) доказывать крестьянам, что бога нет. Представляете 14—15-летнего подростка в роли такого агитатора? Кстати, слушали меня крестьяне без вражды, но на всякий случай на ночь запирали в амбар, чтобы не убили несчастного ребенка за такую его пропагандистскую деятельность. А какие муки выпадали на каждую пасху! Куличи, крашеные яйца и все прочее, боже мой, это были при нашей-то бедности заоблачные мечтания! Но я стоически ничего такого не ел, хотя активным безбожником становился только по поручениям.

А что сейчас? Как всенародный праздник отмечается 1000-летие крещения Руси. Реставрируются церкви. По телевидению и даже на Съезде народных депутатов выступают митрополиты и епископы. Да что там церковные иерархи! Я сам в роли телевизионного проповедника на всю страну заявляю, что царство божье — внутри нас, хотя верующим человеком могу себя назвать весьма относительно. Вот вам отрицание отрицания в масштабах одной судьбы.

Вспоминаю детство: как я на самом деле чувствовал себя тогда? Испытывал ли насилие над собой? Или это было своеобразное дьявольское наваждение? И сейчас не могу разобраться в собственных детских ощущениях. Так вся жизнь прошла: убеждали то в одном, то в совершенно противоположном. Как тут не запутаться? Но при всем при том интуитивно я постигал, где настоящее и где выдуманное. Думаю, именно бесчисленные житейские отрицания отрицания во многом сформировали наше противоречивое, сумбурное общественное сознание.

А семья? Брачный обряд? Кольца, фата невесты, весь ритуал? Отбросили все напрочь! Свадьба, дескать, мещанский и религиозный предрассудок. За ношение кольца — всеобщее осуждение. Помню, как отец чуть ли не со слезами снял его с пальца. Правда, потом и кольца, и серебряную ризу с венчальной иконы отнесли в торгсин, чтоб не умереть с голоду. Что теперь? Все на круги своя. Правда, современный свадебный обряд с непременной поездкой к могиле Неизвестного солдата, на мой взгляд, несет в себе что-то языческое.

Я придаю семье значение чрезвычайное. Это точка опоры. Нет семьи — растет сорная трава под названием перекасти-поле. Дом — это место, переступая порог которого ты сбрасываешь всю тяжкую ношу дня, расслабляешься, отдыхаешь, набираешься сил для дня грядущего. И сколько бы мне ни говорили о воспитательном значении школы и других организаций, все-таки основы формирования духовного мира человека начинаются в семье.

Приведу еще один пример. Отношение к интеллигенции. Испытал это на себе. Повторю, отец мой был мелким служащим промкооперации. Окончив

школу, я не имел права пойти учиться в высшее учебное заведение. Сначала нужно заработать трудовой стаж на заводе или фабрике. Лишь после того как в графу «социальное положение» впишут «рабочий», перед тобой открываются двери всех вузов. Самый распространенный эпитет к слову «интеллигенция» тех времен — «гнилая». Сегодня только пожилые люди помнят крылатые выражения тех лет: «А еще в шляпе!», «А еще очки нацепил!» — это все о ней, об интеллигенции. Сейчас идет процесс отрицания отрицания. Возвращается уважение к людям интеллектуального труда, медленно, не повсеместно, но возвращается. Падение авторитета интеллигентности объясняет многие нынешние наши беды. Например, то, что рост металлоемкости производства до сих пор обгоняет рост его наукоемкости. А разве бездуховность и нравственное падение общества не связаны с отрицанием интеллигентности?

Позволю себе расширить этот вопрос. Не берусь судить, насколько мои рассуждения научны. Примите их просто за образное сравнение. Я представляю себе государство живым организмом, в чем-то похожим на человеческий. У него много органов, и у каждого своя функция — руки, ноги, глаза, уши, сердце, печень, железы внутренней секреции. Один орган — мозг — особо связан со всеми функциями, определяет состояние организма в целом.

Вот, скажем, у меня болит нога. Разумеется, это плохо. Во время войны почти год лежал в госпитале, полгода загипсованный до живота — тяжелое ранение в ногу. А я, знаете, не унывал. Веселый солдатик, шутник. Читал соседям стихи наизусть. Палаты бывали по 40 коек. Даже в палате смертников (лежал там месяц) просил поставить мне на грудь книгу и вслух читал. Помню, однажды читал «Пиковую даму». И как слушали!

Медсестра меня спрашивает: «Розов, чего ты такой веселый?» Отвечаю: «Так это нога болит, сам-то я здоров». Нога болит — плохо, болит печенька — очень плохо, болит сердце — просто беда, даже страшно. Но когда болен мозг — болен весь организм. Переносу этот образ на государство. Хромеет промышленность, с финансами неблагополучно, в сельском хозяйстве неудачи — все это очень плохо. Но когда болен мозг страны — болен весь организм. Вот и сейчас мне кажется — и довольно давно, — что у нас была хроническая болезнь мозга, отчего всю страну до сих пор трясет и лихорадит. Мозг страны — это не только Политбюро или Верховный Совет. Нет. Я имею в виду интеллигенцию в самом широком смысле слова. Это и инженеры, и рабочие-изобретатели, и академики, и вообще все не по шаблону мыслящие и действующие люди. Если этот громадный творческий потенциал привести в действие, то и страна в целом станет работать хорошо. Но, увы, отрицания отрицания в этой сфере по-настоящему еще не произошло. Державу нашу не только раскрестыянили, но и разынтелигенти́ли. Никак мозг страны не оправится после продолжительной болезни. Но откуда она взялась?

Мудрый человек сказал: если революция победит не в высокоразвитой стране, то все в ней пойдет сызнова. Первые советские годы представляю смутно, мал еще был. Но память с детства хранит нечто, как я теперь начинаю понимать, похожее на первобытный коммунизм — ощущение всеобщее-

го товарищества трудящихся. Это был очень короткий период. Последовавшее за ним я могу оценить уже вполне сознательно, исходя из собственного опыта и весьма конкретных знаний, почерпнутых не из учебника. Начался процесс отрицания отрицания, уже однажды пройденный человечеством. Разве не правомерно сравнить годы сталинщины с рабством? Из человека выжимали все возможное и сверх того. Рабочие фактически были прикованы к своим станкам. Сменить работу — не просто проблема, порой трагедия. За опоздание на полчаса — тюрьма. Крестьяне, лишённые паспортов, были ещё более унижены и порабощены, чем при крепостном праве. Недавние брежневские времена мне отчетливо напоминают феодальное общество. В Кремле главный феодал, на местах свои, помельче. Им несли дань, только на сей раз она называлась взяткой. Не всем, конечно, несли, но было ведь, было...

Этот путь отрицания одной формации другой в истории человечества занял века и тысячелетия, у нас он повторно черной тенью промелькнул за несколько десятилетий. Уже не первый раз мы пытаемся вырваться из этого порочного круга. Хрущев попробовал смести сталинскую примитивную конструкцию государства. Но самая примитивная конструкция, как известно, самая прочная. А если она прикрыта замысловато украшенными занавесоч-

Маркс в свое время сказал, что человечество весело расстается со своим прошлым. Мы же расстаемся со своим прошлым в злобе, раздражении, мстительности. И возникает вопрос: а расстаемся ли мы с ним вообще?

ками, на которых нарисованы жизнерадостные лица, улыбающиеся стахановцы, балерины с букетами цветов и другие красивые картинки, то тут и очень честные люди, не зная самого страшного, упрятого в

глухомань Сибири и Крайнего Севера, могли обмануться. Тот же, кто о чем-то знал или догадывался, очень ясно представлял, к чему может привести его излишняя проницательность.

Хрущев со свойственной ему непосредственностью сорвал эти занавесочки и обнажил конструкцию. Все ахнули. Для меня это было, пожалуй, самое сильное потрясение в жизни. Общество словно проснулось. То время мы назвали «оттепелью». Но с приходом Брежнева опять вошли в моду занавесочки, и был даже такой момент, когда реабилитация Сталина могла стать официальным фактом истории нашей партии.

Я часто мысленно сопоставляю ту далекую уже «оттепель» и нынешнюю перестройку. Меня профессионально больше всего интересует моральное и психологическое состояние общества. И кажется, что тогда Хрущеву было легче переломить ситуацию, чем сегодня Горбачеву. Первый получил в наследство общество уstraшенное и дисциплинированное, второму досталось в наследие общество растленное. «Оттепель» одарила людей

теплым чувством, будто вдруг раздвинулись свинцовые тучи и выглянуло солнышко. Радость какая-то пришла и облегчение. Сейчас трудно, нервно и взрывчато.

Маркс в свое время сказал, что человечество весело расстается со своим прошлым. Мы же расстаемся со своим прошлым в злобе, раздражении, мстительности. И возникает вопрос: а расстаемся ли мы с ним вообще? Чем объяснить усилившуюся у нас везде и всюду агрессивность? Уж не говорю о росте преступности. Куда ни пойдешь: агрессивна продавщица в магазине, девочка на почте в окошке агрессивна, агрессивен любой чиновник. Даже деятели культуры начали набрасываться друг на друга, как заклятые враги. Решительно все агрессивны. Ищу ответ: почему? Такое состояние общественной психологии не может быть случайным. Оно должно иметь общественное же объяснение. Мне кажется, что все мы сейчас похожи на человека, которого каждый день заставляют смотреть в глаза страшной правде. Он не привык к этому, страшная правда его ожесточает, возмущает, вызывает протест. Старое порой кажется таким спокойным и правильным. Было в прошлом и немало несправедливого, но было и чем гордиться. А сейчас?

В таком состоянии очень важно найти ответ на вопрос: с чем мы должны расстаться и во имя чего? Сейчас много ругают социализм. Но какой социализм? Рисовали его беспроблемным, этаким советским чудом. Миллионы людей с энтузиазмом пели «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью» и ни на минуту не задумывались, насколько глупа эта крылатая фраза. Сказка — это то, чего никогда не было и быть не может. Ну не может охотник разрезать брюхо серого волка и выпустить оттуда живую и невредимую бабушку Красной шапочки. Реальный «серый волк» нам стоил, по заниженным подсчетам, 20 миллионов жизней. Но мы верили в сказки, очень многие верили. Разумеется, в их число не входили те, кто в колымских и иных лагерях за чудо считал, что они еще живы. Есть такая человеческая слабость: всегда больше хочется верить в хорошее, чем в плохое. И в утопический социализм верили. Гениально это выразил Пушкин: «Тьмы низких истин мне дороже нас возвышающий обман...»

Как же должны себя чувствовать люди, несколько десятилетий прожившие в атмосфере «возвышающего обмана», если они вдруг оказались в плотном, непробиваемом окружении «низких истин»? Конечно, мы догадывались, что наша статистика страдает излишним оптимизмом. Конечно, мы понимали, что великой державе продавать за кордон сырую нефть, мягко говоря, не очень прилично. Разумеется, мы чувствовали, что наша экономика экономна за счет нужд и бед рядовых тружеников, что социализм у нас все-таки какой-то странный, хоть нарекали его развитым. Но зато мы строили самые большие гидростанции, больше всех выплавляли чугуна, а какая была безоблачная дружба народов, какие неподкупные глашатаи интернационализма вроде Рашидова и иных героев из той же когорты...

А теперь «тьма низких истин». И чуть ли не каждый месяц новая общесоюзная проблема с конкретной пропиской, проблема, к которой не знаешь как и приступиться. Такое отрицание отрицания, вероятно, никак не про-

тиворечит диалектике, но обыденную психологию оно буквально раздирает противоречиями. Мы все и безоговорочно восприняли понятие «новое мышление» применительно к международным делам. Кто же не порадует, если отодвинута опасность войны, если можно сократить военные расходы и отдать эти средства на неотложные мирные нужды? Но как только потребовалось по-новому осмыслить внутренние политические, экономические, духовные коллизии, так или иначе затрагивающие интересы, убеждения или амбиции каждого, то традиционного и, как нам представлялось, присущего социализму единодушия как не бывало. Мы все свидетели, в какой жестокой схватке сталкиваются две психологии, два мышления — консервативное и радикальное, причем оттенков и у того и у другого масса. Главная наша современная беда — раскол. Левые, правые. Золотой середины нет. И это ужасно! Золотая середина, именно золотая... Остальное — или свинец, или мыльные пузыри.

По телевидению видел митинг в Лужниках, устроенный профсоюзами. Бросился в глаза лозунг «Долой советских миллионеров!» и еще один, требовавший заморозить цены. Как будто в наше время можно управлять экономикой лозунгами. В прошлом именно так и делалось. К чему мы пришли, известно. Но я, повторяю, не экономист и рассуждаю только с позиции здравого смысла. В Соединенных Штатах есть и миллионеры, и миллиардеры, а народ живет лучше. Думаю, мало кто сейчас приведет дежурный аргумент: зато у них люди ютятся в трущобах и полно безработных. Знаем и открыто признаем: и того и другого у нас хватает. А теперь я спрашиваю: хотите вы жить лучше, но у вас будут миллионеры, или пусть будет прежняя уравниловка, и ничего в вашем жизненном уровне не изменится?

Угадываю следующий вопрос в собственный адрес: а откуда, дескать, ты знаешь, что при миллионерах все мы будем жить лучше? Отвечу. Во-первых, я рассуждаю образно, имею в виду под миллионером человека, живущего намного лучше подавляющего большинства. Во-вторых, здесь не идет речь о миллионерах-взяточниках и ворах, о воротилах теневой экономики, о миллионерах-подпольщиках. При них мы уже пожили, и каждому известно, что ничего хорошего от них ждать нельзя. И в-третьих, у нас практически нет опыта жизни при нормальных капиталистических миллионерах. Так распорядилась история. Мы пришли к отрицанию капитализма, почти не изведав на собственном опыте, что он собой представляет в его развитой стадии. Закон отрицания отрицания, насколько мне известно, предполагает не просто отбрасывание, зачеркивание прошлого, но и элемент преемственности, развитие на новом уровне того хорошего, полезного, что было на предыдущей стадии.

Когда свершилась социалистическая революция, в России только еще разворачивались такие признанные корифеи бизнеса, как Морозов, Мамонтов или тот же Елисеев с его знаменитыми магазинами. Да, они были эксплуататорами. Отрицание этого их качества для социализма было программным, безусловным. Но ведь, чтобы сделать то, что они сделали, нужно было быть очень талантливыми организаторами, выдающимися предпринимателями. Но разве социализм и предприимчивость несовместимы? На словах все со-

гласны: совместимы. Но опыта грамотной, не преступной предприимчивости мы не имели.

Думаю, что Ленин, разрабатывая новую экономическую политику, помимо всего прочего, хотел восполнить этот исторический пробел. Добавлю, что мы не извели и опыта психологического восприятия предприимчивости, не ощутили общественной пользы от свободного развития этого качества. Зато возник и укрепился совсем иной психологический стереотип: «лучше я сдохну, но *он* лучше меня жить не будет». Неважно, что *он* талантливее, что *он* может придумать такое для общего блага, на что не способен никто.

«Лучше я сдохну...» Это та самая психология, на которой основывались коллективизация 1930-х и уравниловка всех последующих годов. Нельзя, по-моему, придумать более утопического и разрушительного лозунга, чем «Равенство!» вот в таком понимании. Не может быть равенства талантов и в искусстве, и в любой другой сфере человеческой деятельности. Не может быть равенства в мастерстве, самоотверженности, добросовестности. Равенство должно быть только перед законом. Полное равенство и Председателя Верховного Совета, и премьер-министра, и токаря, и кооператора, и писателя. Всех. Абсолютное равенство, как перед смертью. Когда умер Сталин и вскрылись все его жуткие дела, у меня возникла дикая мысль: надо этой Смерти поставить памятник. Страшно даже произносить такое: памятник Смерти. Но ведь никто не смог остановить это безумие, только она смогла. Так вот и закон должен иметь такую же никем не оспоримую, высшую, абсолютную силу.

Со взяточничеством, с другими видами преступности мы боремся которое уже десятилетие, а они до сих пор существуют. Почему? Да потому что закон у нас не имел абсолютной силы, очень он зависел от известных всем обстоятельств. Зато самородков, талантливых организаторов, социалистических предпринимателей стирать в порошок мы научились давно и основательно. И без всяких законов. Никаких массовых протестов, многотысячных митингов в их защиту не было и нет. Почему у кого-то миллион, а десятки миллионов людей живут за чертой бедности? Причем, как ни странно, этот вопрос чаще задают товарищи, живущие значительно выше черты бедности, считающие себя популярными политиками. А популярность их имеет все те же психологические корни — «лучше я сдохну, но *он* лучше меня жить не будет».

Куда у нас обращаются люди по поводу вопиющих беззаконий? Раньше — в ЦК КПСС, сейчас еще и в Верховный Совет. И правильно делают, хотя для нормального демократического общества это полнейший абсурд. Сколько раз мы слышали, что на буржуазном Западе судьбы президентов и премьер-министров решал прежде всего суд, и часто решал не в пользу самых высоких лидеров государства. Это вполне логично, если государство построено по принципу разделения властей. Мы сейчас много говорим об этом принципе, но на собственном историческом опыте не знаем, что это такое, хотя именно на этом должна строиться социалистическая государственность. Все сегодня шло бы гораздо проще, будь у нас в прошлом такая демократическая традиция, если бы она вошла в быт, в общественное сознание. Если

у нас при нэпе была хоть мизерная практика предпринимательства в условиях социализма, то разделения властей на себе мы не испытали вообще. Вроде бы здравый смысл подсказывает: да, так надо, но по-житейски мы к этому абсолютно не подготовлены.

Признаемся честно, в нашем обыденном представлении власть — это пока нечто единое. Раньше — аппарат, теперь — Верховный Совет. Власть в воображении многих связана с определенным постом, мандатом, с какими-то формально престижными атрибутами. И не каждый задумывается над тем, что для осуществления по-настоящему демократической триединой власти нужны глубокие знания, способности, даже определенный склад характера, причем в каждом из трех случаев свой. Поэтому меня пугает та борьба за власть, которая сейчас идет.

В Союзе писателей во время первого выдвижения кандидатов в депутаты кто-то назвал мое имя. Я вскочил и сказал: «Никогда! Ни под каким видом! Во-первых, возраст. Во-вторых, и это главное, я не способен быть политическим деятелем». Не уверен, что все кандидаты поступили благоразумно, когда их выдвигали в верховный орган законодательной власти. Искусство быть политиком, искусство управлять государством, да еще таким сложным, как наше, дано не всякому даже очень хорошему, честному и порядочному человеку. Буржуазное государство почти два века отработывало структуры своей парламентской демократии, методы воспитания и выдвижения политических лидеров. Согласен, для социализма они не годятся, мы их отрицаем. Но отрицание должно быть диалектическим, с удержанием положительного опыта. А как мы можем это сделать, если сами не пережили и не прочувствовали то, что мы отрицаем. Странное отрицание отрицания, не правда ли? Умозрительное, абстрактное, неестественное...

Есть теоретики и публицисты, считающие, что Октябрьская революция была ошибкой, что большевики слишком поторопились. Я бы не хотел, чтобы в подтверждение подобных выводов использовались мои рассуждения. Что произошло, то произошло. И глупо без конца вздыхать: «Ах, если бы этого не было...» Перечитывая документы предреволюционных месяцев, недель и дней, я чувствую, что запутаннейший сюжет драмы осени 1917-го через сотни значительных и незначительных событий, обстоятельств, через столкновение противоречивых интересов и убеждений шаг за шагом шел к естественному финалу — революции. Понимаю, сколь неубедительно для кого-то может это звучать. Но в данном случае я не собираюсь никого ни в чем убеждать. Не прошлое меня сейчас волнует — настоящее и будущее.

Мудрые люди утверждали: никакая общественно-экономическая формация не может погибнуть, не исчерпав всех своих возможностей. В России капитализм погиб, можно сказать, в младенческом возрасте. Что это, нарушение закона истории? Не знаю. Отбросить нашу страну назад, вернуть ее на круги своя весьма активно пытались силы, перед которыми не устояли достаточно развитые капиталистические государства. И снова мы сталкиваемся с довольно странным отрицанием отрицания.

Возможно, я не прав, но чудится мне, что в этих странностях заложены многие наши сегодняшние безумно запутанные проблемы. Накал крити-

ки прошлого многих раздражает. Меня тоже. Не потому, что хочу заступиться за Сталина или за наши «достижения» типа великих строек коммунизма на Волге, губящих великую реку. Нет. Мне, простите, не дает покоя закон отрицания отрицания, который по всем диалектическим канонам должен же наконец привести к новому качеству. В этом же, если не ошибаюсь, его смысл. Отрицание старого можно уже измерять газетно-журнальными тоннами и теле-, радиогодами, а нового качества социализма нет как нет.

Буйство критики в печати, жаркие баталии на митингах, непримиримая полемика на сессии Верховного Совета, порой напоминающая митинговую, противоборство точек зрения, исправленные и еще не исправленные ошибки, острейшие национальные противоречия... Что это, взрыв общественной стихии? Канун всеобщего хаоса? Миллионы людей больны сегодня этими вопросами. Осмелюсь предложить свою гипотезу, основанную опять-таки исключительно на здравом смысле и на особой симпатии к названному уже закону диалектики.

Мне кажется, что последние два-три года напоминают в критически сжатом виде тот отрезок истории, который наша страна волей судеб миновала. Тот путь, что человечество в развитых странах одолело за полтора-два века, мы взялись пробежать, пронестись, пролететь за считанные годы, марафонскую дистанцию пройти со скоростью рекордсмена-спринтера. За столь короткий срок нужно, отбросив социально чуждое нашему строю, усвоить как свои собственные, пережить и перестрадать те подлинные политические, экономические, духовные достижения предшествующей формации, без которых дальнейший общественный прогресс невозможен; противостоит.

Помнится, лет пять назад в ходу была формула: социализм развивается, дескать, на собственной основе. Но развивается ли он на естественной основе — вот в чем вопрос. Если мы каким-то образом (каким — пусть ответят историки и философы) нарушили исторический закон (а если нарушили, то закон ли это?), что формации не погибают, не исчерпав себя, то сегодня мы, по-моему, столкнулись с другим: ни одна новая формация не возникает, пока в предыдущей не созрели условия для ее рождения. Удивительная, непостижимая ситуация, которой наша общественная наука, насколько мне известно, серьезно не занималась. Чтобы уяснить ее, чувствую, одного здравого смысла мало. Но он подсказывает: прежде чем наше общество перейдет в новое качество, оно должно стать *естественным* обществом, не выдуманым, не опутанным сетью лжи, в том числе и теоретической.

Разве естественно, что богатейшая страна планеты живет в позорной бедности? Разве естественно, что строй, провозгласивший самой большой ценностью человека, как раз ему-то не смог дать полноты прав и даже элементарной защищенности? Разве естественно, что при теоретически самой демократической системе на восьмом десятке ее существования народные депутаты на глазах у всей страны порой беспомощно учатся азам демократических процедур? То, что происходит сейчас, на мой взгляд, есть бурный, часто неуправляемый процесс отрицания старой лжи, тоталитарных и иных предрассудков во имя очищения социализма от чуждых ему утопических

наслоений, пережитков давно минувших эпох. Сегодня мы лишь возвращаемся к естественному состоянию. Когда это возвращение состоится, думаю, что только тогда скажет свое слово закон отрицания отрицания, и общество поднимется на новую качественную ступень.

Драма перестройки еще только разворачивается, у ее сюжета пока много альтернатив, еще даже не просматривается финал. Будь моя воля, я бы его придумал таким. Наше общество после невероятных, мистических (поскольку лично мне непонятных) метаморфоз входит наконец в своем развитии в нормальное историческое русло, имея облик *естественного*, но *обновленного* социализма. Я не политик и не историк, а потому не могу логично, убедительно, доходчиво привести сюжет к только что нарисованному благополучному финалу. Чтобы написать пьесу такого масштаба действия и такого накала страстей при таких запутанных обстоятельствах, необходимо постичь неординарную и неформальную логику отечественной истории. Сейчас подобную пьесу может написать разве что драматург-фантаст. Я не из их числа. Но мечтаю дожить до тех дней, когда время всеобщего отрицания прошлого, социально-психологических и национальных бурь, взмыв по спирали отрицания отрицания, поднимет многострадальное наше общество к новому качеству. Тогда пьесы о нынешних днях смогут сочинять обыкновенные драматурги-реалисты. ◆